

Макарий Булгаков

**История русской церкви Том
7**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М15

M15 **Макарий Булгаков**
История русской церкви Том 7 / Макарий Булгаков – М.: Книга по Требованию,
2021. – 154 с.

ISBN 978-5-4241-1859-3

В седьмой том "Истории русской церкви" вошли изложения "Период самостоятельности Русской Церкви (1589-1881)", "Патриаршество в России (1589-1720)". Отдел второй: 1654-1667 гг.

ISBN 978-5-4241-1859-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Макарий Булгаков, 2021

Макарий Митрополит
(Булгаков)
История русской церкви (Том
7)

МИТРОПОЛИТ Макарий
История Русской церкви
КНИГА 4
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА
ЕЕ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (1240-1589)

ТОМ 7

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТ МИТРОПОЛИТА СВЯТОГО ИОНЫ
ДО ПАТРИАРХА ИОВА, ИЛИ ПЕРИОД РАЗДЕЛЕНИЯ ЕЕ НА ДВЕ
МИТРОПОЛИИ (1448-1589)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА VI 2

ГЛАВА VII 34

ГЛАВА VIII 70

ГЛАВА IX 79

ГЛАВА VI

I

Давно уже Москва как столичный город великого князя и особенно как место-пребывание первосвятителя всей России считалась главным в ряду городов русских. Но по своим храмам она все еще уступала некоторым из этих городов, более древним, каковы Новгород и Псков: почти все храмы в Москве были деревянные, за исключением пяти-шести каменных. В настоящий период, когда с окончательным падением у нас системы уделов московские князья сделались государями всей России и, вступив в сношения с более просвещенными странами Европы, начали вызывать оттуда разных художников и украшать свою столицу, она прежде всего украсилась новыми храмами, так что и в этом отношении, если не по числу, то по благолепию их, заняла в нашем отечестве первое место. Великий князь Иоанн III вновь соорудил почти все важнейшие храмы Кремля. Успенский собор, заложенный еще святителем Петром и оконченный Иоанном Даниловичем Калитою (1327), пришел в крайнюю ветхость: своды его треснули и поддерживались деревянными подпорами, а один из приделов после пожара 1471 г. совсем разрушился. Митрополит Филипп I, задумав перестроить этот храм, собрал много серебра с монастырей и церквей, которые обложил для того тяжкою данью, а также от бояр и торговых людей, принесших добровольные пожертвования. Работы поручил (1472) двум русским мастерам, Кривцову и Мышкину, с тем чтобы они построили новый собор по образцу собора владимирского, только шире, и длиннее, и выше на полторы сажени. Но через год сам святитель скончался, а еще через год (21 мая) и храм, склоненный уже до сводов, обрушился. Тогда великий князь Иоанн вызвал из Венеции славного зодчего Фиоравенти, которого "хитрости ради Аристотелем зваху". Этот Аристотель Фрязин, разрушив павший храм до основания, заложил новый, и спустя пять лет в Москве явилась церковь соборная, "чудная вельми величеством, и высотою, и светлостию, и пространством", какой "прежде того не бывало в Руси, опричь владимирских церкви". Торжественное освящение нового Успенского собора совершено 12 августа 1479 г. митрополитом Геронтием. Таким же образом, по повелению Иоанна, разобраны и созданы вновь еще три древние обветшавшие храмы Кремля: собор Благовещенский на великонижегородском дворе, собор Архангельский и церковь святого Иоанна Лествичника (Иван Великий). Над построе-

нием первого трудились теперь (1484-1489) псковские мастера; Архангельский собор по образцу Успенского и в большем против прежнего размере соорудил (1505-1508) миланец Алевиз Новый, а церковь святого Иоанна Лествичника воздвиг (1505-1508) зодчий Фрязин Цебон. Вообще же число церквей в Москве при Иоанне III было уже довольно значительно: так, в 1472 г. сгорело не в самом городе, или Кремле, а только в посаде 25 церквей; в 1475 г. сгорело в самом Кремле 12 деревянных церквей и 11 каменных обгорело; в 1488 г. опять только в посаде сгорели еще 42 церкви. Сын и преемник Иоанна великий князь Василий с усердием украшал прежние церкви в Москве: он велел (1508) расписать по золоту свой придворный Благовещенский собор, обложил в нем все иконы серебром, золотом и жемчугом и позолотил самый верх церкви, отчего она начала именоваться златоверхю, а через несколько лет (1515) велел расписать внутри весь Успенский собор, и это расписание было столь "чудно и всякия лепоты исполнено", что все входившие во храм поражались и как бы переносились на небо. С не меньшим усердием великий князь сооружал в Москве новые церкви: в 1514 г. он повелел заложить и воздвигнуть разом десять каменных церквей, в том числе Рождества Пресвятой Богородицы на своем дворе, святого Владимира в Садех, святого Леонтия Ростовского и святого Петра, митрополита Московского, за Неглинною, поручив все эти работы одному и тому же мастеру Алевизу Фрязину, а в 1527 г. поставил разом еще три каменные церкви, в том числе Преображения Господня на своем дворе. Царь Иоанн Васильевич IV не уступал двум своим предшественникам в украшении своей столицы святыми храмами. После страшного пожара 1547 г., истребившего или разрушившего более или менее почти все здания в Москве, Иоанн возобновил, между прочим, три главных кремлевских собора: Успенский, Благовещенский и Архангельский, и при этом верхи двух первых позолотил. Из церквей же, созданных самим Иоанном, наиболее замечательная есть церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Василий Блаженный), каменная о девяти верхах, которую в 1555 г. заложил царь в Китай-городе на память взятия Казани.

В других городах и вообще местностях России каких-либо замечательных храмов, вновь сооруженных или только обновленных и богато украшенных, почти не встречаем в продолжение настоящего периода, хотя в некоторых городах, например в Новгороде и Пскове, храмы сооружались тогда довольно часто, иногда по два, по три, даже по четыре разом. Как на более замечательные в этом отношении случаи можно указать на следующие: в Новгороде архиепископ Макарий устроил (1528) в Софийском соборе новые царские врата, чудно изукрашенные, шестьдесят шесть икон для иконостаса, обложенные серебром и золотом, и какой-то особый, позлащенный амвон с тридцатью иконами, который поддерживали на себе двенадцать деревянных одетых фигур в образе человеческом; а со вне, над западными дверями собора, приказал написать настенные изображения Пресвятой Троицы, Софии, Премудрости Божией, и Нерукотворенный Образ Спасителя, остающиеся доселе. В любимом селе своем Коломенском великий князь Василий Иванович соорудил (1532) каменную церковь Вознесения Господня, которая, по словам летописи, была "вельми чудна высотою, и красотою, и светлостию" и какой "не бывало прежде сего в Русии", и снабдил эту церковь драгоценными сосудами и иконами, обложенными золотом, серебром и дорогими камнями. В Хутынском монастыре построена (1535) каменная церковь во имя

святого Григория, просветителя Великой Армении, также, по свидетельству летописи, вельми чудная, какой не бывало в Новгородской области: церковь была круглая и весьма высокая, имела восемь углов, пять дверей и один верх, на котором повешены были колокола. В Твери местный епископ Акакий после страшного пожара, истребившего (1537) весь город и соборную церковь, вновь соорудил ее в прежнем виде и украсил ее множеством икон, искусно написанных и обложенных серебром и золотом. В Троицко-Сергиевой лавре царь Иван Васильевич позолотил (1556) верх Троицкого собора, построенного еще в 1477 г. псковскими мастерами теми самыми, которые тогда же соорудили придворный Благовещенский собор в Москве.

О числе церквей в некоторых городах можем заключать на основании летописных заметок при описании происходивших тогда пожаров. Так, во Владимире на Клязьме, который в 1491 г. выгорел весь с посадами, сгорело 9 церквей в городе и 13 в посаде; в Угличе, также выгоревшем в то время, сгорело церквей 15. В Пскове сгорело: в 1466 г. - 12 церквей, в 1539 г. 12, в 1550 г. обгорели или порасседались 36 каменных церквей и сгорели 15 деревянных; в 1562 г. сгорели или обгорели 52 деревянных и каменных церкви и остались неповрежденными от огня только 8; следовательно, всего в Пскове до этого пожара было 60 церквей. В Новгороде в 1476 г. сгорело 15 церквей, а три каменные рассыпались; в 1541 г. обгорели 22 церкви и две рассыпались, а вскоре обгорели еще 6; в 1555 г. обгорело 15 церквей. Впрочем, относительно Новгорода сохранилась особая запись, составленная, как догадываются, к концу XV или в начале XVI в. и свидетельствующая, что всех церквей в Новгороде, за исключением загородных монастырей, было тогда 89 и что в 44 из них совершались ежедневные службы. Вообще, в храмах у нас тогда недостатка не было, напротив, чувствовался даже избыток. Случалось, как свидетельствуют отцы Стоглавого Собора, что миряне, оставляя в пренебрежении свои прежние церкви, строили новые; многие созидали церкви не ради Бога, а по тщеславию и гордости и ради своих жен; некоторые, увлекаясь сновидениями, давали обеты воздвигать церкви и молитвенные domы, но, соорудив церковь, не имели средств снабдить ее иконами, книгами и содержать при ней причт или если вначале кое-как и делали все это, то вскоре, совсем оскудев, оставляли церковь без всякой поддержки и пустою; еще некоторые строили церкви самовольно, без благословения епископа. Потому-то Собор и определил, чтобы впредь епархиальные архиереи отнюдь не допускали без благословения их строить церкви и вообще действовали при этом, как требуют каноны, и чтобы, собрав сведения о всех церквях, какие по городам и селам стояли пусты и без пения, освободили их своими тарханными грамотами от всяких церковных пошлин на пятнадцать лет и предоставили местным прихожанам собирать те пошлины и употреблять на устроение их запустелых церквей (Стоглав. Гл. 70 и 84).

Обычай строить обетные церкви более и более усиливался. Ему следовали сами великие князья: Иоанн III поставил (1468) в Москве обетную церковь святого Симеона Дивногорца, а Василий Иоаннович по случаю рождения от него сына Иоанна IV поставил (1531) такую же церковь на старом Ваганькове во имя святого Иоанна Крестителя с двумя приделами. Церкви обетные всегда строились из дерева и в один день, отчего и назывались обыденными, в тот же день они и освящались и в них совершалось богослужение. Поводом к сооружению их

большею частию служили общественные бедствия, особенно моровая язва: церкви строились тогда по обету и при участии всего народа с целию умилостивить Бога и отвратить Его гнев. Иногда созидалась только одна обыденная церковь, а через несколько времени, если мор не прекращался, то созидалась и другая; иногда же строились разом две обыденные церкви. Впоследствии случалось, что на местах этих деревянных обыденных церквей воздвигаемы были каменные во имя тех же святых, как бы по завету от предков, и назывались заветными. Так, в 1537 г. сооружена новгородцами в кремле каменная церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, "заветная от мору", на месте деревянной обыденной, построенной еще в 1508 г. и сгоревшей, а через три года Новгородский архиепископ Макарий в кремле же поставил каменную церковь святой мученицы Анастасии, "от мору заветную", на месте деревянной обыденной, построенной еще в 1417 г. по случаю так называемого Анастасиинского мора. Не так скоро установился у нас другой обычай, которому начало положил Новгородский архиепископ Евфимий в 1439 г., обычай созидать теплые церкви или, по крайней мере, теплые приделы к ним. В продолжение целого столетия такие церкви устраивались только в наших монастырях, а из приходских церквей в Новгороде первая была церковь Мироносицкая у которой устроен был теплый каменный придел во имя Сретения Господня в 1538 г. Зато в последней половине XVI в. обычай этот был уже довольно распространен по всей Новгородской области и теплые церкви встречаем не только в монастырях, но и во многих небольших селах и погостах.

О церквях соборных мы упоминали еще в предшествовавший период, но не имели возможности объяснить тогда самое значение их. Теперь открывается эта возможность. Соборною церковию называлась та, к которой причислялось несколько других приходских церквей и при которой учреждался Собор из священнослужителей всех этих церквей, представлявший собою особую корпорацию из местного духовенства, особое церковное общество, или братство. Число священнослужителей, составлявших Собор при избранной церкви, по имени которой он и назывался, простиралось иногда до ста и более. Хотя каждая соборная церковь находилась в городе, но в состав Собора, при ней существовавшего, входили не одни городские священники с своими церквами, но и пригородные, и сельские, - так было, по крайней мере, в Псковской области. Все они обязывались собираясь в свою соборную церковь для рассуждений и совещаний о делах церковных, для совершения в ней соборных богослужений в определенные дни; все обязывались отправлять в ней ежедневно очередную службу по неделе. Во главе каждого Собора священнослужителей находился один соборский, или поповский, староста, которого избирали они сами из среды своей и который имел наблюдение как над всеми ими, так и над их приходскими церквами иправлял делами Собора. Таких Соборов и соборных церквей в Новгороде было семь, вероятно по числу семи Вселенских Соборов, еще в прошлый период, и более теперь уже не появлялось. Но в Пскове к трем прежним прибавилось теперь четыре новых Собора, так что общее число их возросло, как и в Новгороде, до семи. В 1453 г., когда владыка Евфимий посетил Псков, попы невкупные, то есть не принадлежавшие к существовавшим Соборам, били челом наместнику великого князя и посадникам, чтоб быть в Пскове четвертыму Собору; наместник и посадники били челом владыке, и владыка благословил невкупных попов держать четвертый Собор и вседневную службу у святого Спаса Всемилостивого на

Торгу (по имени этой церкви четвертый Собор и назывался) да у святого Христова мученика Димитрия в Домонтовой стene. В 1466 г. другие невкупные попы били чelом Пскову, чтобы быть в Пскове пятому Собору, и псковичи повелели быть пятому Собору у Похвалы Святой Богородицы (по имени этой церкви пятый Собор и назывался), да у Покрова Святой Богородицы, да у Святого Духа за Домонтовою стеною. В 1471 г. еще невкупные попы били чelом Пскову, чтобы ходатайствовал об открытии шестого Собора. Посадники затем били чelом митрополиту Филиппу от всей Псковской земли и представили ему грамоты от всех пяти Соборов псковских с просьбою об учреждении в Пскове шестого Собора при церкви Входа во Иерусалим, объясняя, что для нового Собора у них набралось уже сто два служителя церковных - священников и священноиноков (тут, очевидно, разумеются не монастыри - не те священноиноки, или иеромонахи, которые жили в монастырях, а те, которые по тогдашнему обычаю нередко состояли при приходских церквях, заведовали приходами вместо белых священников и назывались черными попами). И митрополит благословил открыть этот шестой Собор. Наконец, в 1-й половине XVI в. учрежден был в Пскове и седьмой Собор, хотя неизвестно при какой церкви, как можно заключать из того, что в 1544 г., когда Псков посетил владыка Феодосий, сельские попы и пригородские "отколились от всех седми Соборов", в состав которых они входили дотоле, и владыка дал им особого старосту. В Москве по воле царя и определению Стоглавого Собора учреждено разом семь Соборов с расчислением между ними всех церквей собственно столицы: первый Собор Всесвятский в Черторье, второй - Борисоглебский, третий - Никитский на Никитине улице, четвертый - Введенский в Псковичах, пятый - Покровский на Площадке, шестой - Ивановский за Болотом, седьмой - Варваровский в Новом городе и Старом. Кафедральная соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы не входила в число седми московских Соборов и считалась над ними большею и высшею.

Церкви, как и прежде, украшались иконописью, а иногда и стенописью. Тем и другим искусством занимались у нас многие, особенно из лиц монашествующего и белого духовенства. Некоторые из них приобретали в свое время известность, даже славу. Во дни Иоанна III более всех славились иконописцы Митрофан инок и Дионисий, расписавшие в 1466 г. главный храм в монастыре преподобного Пафнутия Боровского. Через пятнадцать лет этот самый Дионисий, а с ним поп Тимофей, Ярец и Коня написали "чудно вельми" три яруса в иконостасе (десус, праздники и пророки) нового московского Успенского собора получив за труды сто рублей от Вассиана, архиепископа Ростовского. Еще через пять лет тот же Дионисий вместе с двумя сынами своими Владимиром и Феодосием, старцем Паисием и двумя племянниками преподобного Иосифа Волоколамского - старцем Досифеем и старцем Вассианом (который впоследствии был епископом Коломенским) расписали новый каменный храм в Иосифо-Волоколамском монастыре. При Василии Иоанновиче известны были своим искусством иконописцы: а) в Москве - сын Дионисия Феодосий и Феодор Едикеев, расписавшие в 1508 г. придворный Благовещенский собор, а также митрополиты Симон и Варлаам: от первого доселе сохранилась икона Божией Матери Владимирской, им писанная, а последний в 1518 г. поновил собственными руками две старые иконы - Спасителя и Богоматери, принесенные из Владимира; б) в Новгороде и его области - Андрей Лаврентьев и Иван Дермоярцев, дописавшие в 1509 г. деи-

сус и праздники в иконостасе Софийского собора; иеромонах Антониева монастыря Анания, писавший "дивные иконы многих св. чудотворцев" (1521), и преподобный Антоний Сийский, писавший также "многая св. иконы"; в) в Пскове - Алексей Малый, "муж благочестивый житием и богобоязливый", написавший в 1521 г. образ Успения Богородицы для Псково-Печерского монастыря. При царе Грозном в числе иконописцев встречаются два митрополита: Макарий, не раз поновлявший святые иконы, которые приносимы были для того в Москву из других мест, и Афанасий, писавший многие иконы; протоиерей Андрей, сотрудник Макария при поновлении икон; преподобный Адриан, игумен Пошехонский, писавший многие иконы; псковские иконники - Остания, да Яков, да Михаила, да Якушка, да Семен Высокий Глаголь с товарищами, участвовавшие в расписании Благовещенского собора в Москве после пожара 1547 г.; московские иконники - Ларион, да Третьяк, да Федор Никитины, родом ярославцы, расписавшие в 1564 г. Спасский собор в Ярославле; диакон Николай Грабленой в Новгороде, написавший в 1568 г. образ Живоначальной Троицы для Клопского монастыря. Впрочем, хотя и не переводились тогда у нас иконописцы, более или менее искусные, но вообще состояние иконописания было очень неудовлетворительно. На Стоглавом Соборе царь Иван Васильевич выразил желание, чтобы иконы писались "по Божественным правилам, по образу, и по подобию, и по существу", то есть согласно с древними образцами, и соответствовали самим своим первообразам и чтобы иконописцы жили благочестиво и учили учеников своих писать иконы "по существу" (Стоглав. Гл. 5, вопрос 3). Кроме того, в частности, царь обратил внимание отцов Собора на то, во-первых, что на иконах, изображающих Святую Троицу, иконописцы пишут "перекрестье", одни только у среднего Лица, другие у всех трех, надписывая над средним Иисус Христос, Святая Троица, чего на древних иконах и на греческих не видно (гл. 41, вопрос 1), а во-вторых - на то, что на некоторых иконах, например на Тихвинской иконе Богоматери, иконописцы, кроме святых, изображают в нижнем ряду и других людей молящихся, как живых еще, царей, святителей, вообще народ, так и умерших (гл. 41, вопрос 7). В ответ на эти царские вопросы Собор постановил:

1. иконописцам писать иконы Господа Бога, Богоматери и всех святых по образу, и по подобию, и по существу с древних образцов, а не от своего "само-смысления" и не по своим догадкам.

2. Иконописцам быть смиренными, кроткими, благоговейными, трезвыми, целомудренными, вообще благочестивыми и "с превеликим тщанием" писать святые иконы.

3. Таких иконописцев царю жаловать, святителям беречь и уважать "паче простых человек", а вельможам и простым людям во всем почитать.

4. Таким живописцам принимать к себе учеников, обучать их своему искусству и вместе благочестию и не скрывать от них своего таланта, а по окончании обучения приводить успевших учеников к местному святителю, чтобы он благословил их на дело иконописания; причем мастер-иконник должен делать отзывы о своих учениках со всею справедливостию и беспристрастием, и если он назовет искусным и по всему достойным такого ученика, который начнет писать худо и жить бесчинно, или из зависти похулит ученика действительнонского и достойного по жизни, то святитель полагает мастера под запрещение.

5. Если кто из мастеров-живописцев или их учеников начнет жить не по

правилам, в пьянстве, нечистоте и всяком бесчинстве, то святители полагают таковых под запрещением и отлучают от иконного дела.

6. Тем, которые дотоле писали иконы, "не учася и самовольно", и променивали простым людям-поселянам, запретить это, пока не научатся "от добрых мастеров"; кто научится писать иконы правильно, пусть пишет, а кто не научится, пусть навсегда оставит это занятие, иначе подвергнется царскому гневу и суду.

7. Архиереи, каждый в своем пределе, должны избрать нарочитых мастеров-иконописцев и через них иметь постоянное наблюдение за всеми иконописцами, чтобы между ними не было худых и бесчинных и чтобы они писали с древних образцов (гл. 43).

8. Иконы Пресвятой Троицы (на которых некоторые иконописцы писали "перекрестье" то у одного, то у всех трех Лиц) писать с древних образов, как писали греческие живописцы и как писал Андрей Рублев и другие славные иконописцы, и делать на этих иконах только одну надпись: Святая Троица (гл. 41, вопрос 1).

9. Можно изображать на иконах, кроме святых, и других людей, живых и умерших по примеру древних иконописцев, греческих и русских, которые, например на иконе Воздвижения Честного Креста и на иконе Покрова Пресвятой Богородицы, писали и князей, и святителей, и множество народа, а на иконах Страшного суда изображали даже "различные лики неверных от всех языков" (гл. 41, вопрос 7).

Вскоре после Стоглавого Собора вопрос об иконах, как известно, был обсуждаем на новом Соборе (1553-1554) по поводу недоумения дьяка Висковатова, который, соблазнившись иконами, написанными в придворном Благовещенском соборе после пожара 1547 г. новгородскими и псковскими мастерами, в течение трех лет смущал народ тем, будто иконы эти написаны не по образу и существу, а по мудрованию и умышлению попа Сильвестра. Митрополит Макарий разрешил на Соборе Висковатову все его недоумения, а поп Сильвестр в своей челобитной Собору объяснил, что иконы те писаны все "от древняго предания, со старых образцов" и что он не приложил ни единой черты от своего разума. Тогда же митрополит сказал царю, что в Москве уже поставлены четыре старосты-иконника над всеми иконниками, чтобы наблюдать за ними по уложению Стоглавого Собора.

До какой степени дело иконописания считалось важным, можно заключать из того, что некоторые древние иконы, когда открывалась нужда обновить их, были переносимы из дальних мест в Москву с особеною торжественностию, и здесь над обновлением их иногда трудились сами митрополиты. В 1518 г. по повелению великого князя и митрополита принесены были в Москву две обетавшие иконы из Владимира - икона Спасителя и икона Божией Матери. Пред Москвою они встречены были Крутицким епископом Досифеем с Собором духовенства и множеством народа, а у Сретенского монастыря - самим митрополитом Варлаамом и бесчисленными толпами жителей столицы. После молебных пений и по совершении литургии в Успенском соборе, где иконы первоначально были поставлены, митрополит велел поновлять их в своих палатах, и "сам многажды своим рукама" касался их и трудился над обновлением их, затем обложил их серебром и золотом. В следующем году, отпуская эти иконы во Владимир, митрополит с архиереями и прочим духовенством и великий князь с

князьями, боярами и множеством народа провожали иконы за город и за посады и на месте, до которого провожали, поставили церковь во имя Сретения Пресвятой Богородицы. С такою же торжественностию в 1531 г. по повелению великого князя были принесены в Москву из Ржевы две обветшавшие иконы - преподобной Параскевы и святой великомученицы Параскевы, именуемой Пятницею. Князь приказал эти иконы обновить, обложить серебром и золотом и снять с них верные копии; поставил во имя их новую прекрасную церковь на Новом, близ Покрова Пресвятой Богородицы и по освящении церкви, оставил в ней копии, отпустил самые иконы обратно во Ржеву. Известен и третий подобный случай. В 1555 г. приходили к царю священники и лучшие земские люди с Вятки и били челом, чтобы он велел обновить находящийся в их крае чудотворный образ Николы Великорецкого, крайне обветшавший. Царь приказал священникам привезти этот образ водяным путем в Москву, и здесь встретили его: у Николы на Угреши - брат царя Юрий Васильевич, у Симонова - сам царь, а у Фроловских ворот - митрополит со множеством народа. Над обновлением образа потрудились сам митрополит Макарий и протопоп благовещенский Андрей "со многим желанием и верою, постом и молитвою". Царь приказал соорудить у Покрова Пресвятой Богородицы надо Рвом деревянную церковь во имя святого чудотворца Николы Вятского, и в ней поставить верную копию с чудотворного образа, принесенного с Вятки, самый же образ, украшенный золотом, жемчугом и драгоценными камнями, отпустить обратно.

Особенное уважение, как и всегда, было оказываемо иконам чудотворным и новоявленным. Когда в 1540 г. принесены были из Ржевы в Москву две чудотворные иконы: икона Пречистой Богородицы Одигитрии и другая, изображавшая Честной Крест, они встречены были самим митрополитом Иоасафом и всем освященным Собором, а также самим государем с князьями, боярами и множеством народа, и на месте сретения великий князь повелел поставить церковь во имя Пречистой. Когда в 1551 г. воеводы, ставившие новый город Михайлов на реке Прони, донесли царю, что при расчищении места для соборной церкви они обрели образ архангела Михаила древнего письма, то царь и митрополит Макарий посыпали священников для принесения этого явленного образа в Москву, совершали пред ним молебные пения и с торжеством отпустили его на место, где он явился. Когда псковский наместник князь Токмаков донес царю о явлении двух икон Божьей Матери - Умиления и Одигитрии на Синичей горе (в 40 верстах от Опочки) и о совершающихся чудесах от этих икон, царь приказал основать (1569) на месте явления их монастырь и каменный храм во имя Успения Богородицы. С того времени эта гора начала называться Святою, монастырь - Святогорским Успенским, а новоявленные иконы - чудотворными Святогорскими. Через десять лет совершилось в Казани явление иконы Божией Матери, известной под именем Казанской, и царь Иван Васильевич приказал построить на месте явления ее церковь во имя Пресвятой Богородицы и основать женский монастырь, сделав для того значительное пожертвование из собственной казны и назначив отпускать деньги на содержание священнослужителей, игумены и сорока сестер. При таком уважении к древним и чудотворным иконам очень естественно то, что великие князья московские, покорив какой-либо город своей власти, иногда брали из него в Москву древние и чудотворные иконы на время или навсегда. Великий князь Василий Иванович, покорив Смоленск (1514), велел перенесть